

Алекс Мара

ПОСЛЕ РАЗВОДА
Живи без нас!

Алекс Мара

После развода. Живи без нас!

<https://litres.ru/74190887>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Мамочка, а дядя Вадя будет мне хорошим папой? – спрашивает дочка прямо во время венчания.

– Конечно, малышка. Самым лучшим, – отвечаю с улыбкой.

– Дядя Вадя, а настоящие папы дарят детям красивые платья, возят на море и никогда не обманывают.

– Договорились, детка! – с готовностью обещает мой почти-уже-муж.

Я доверила мужу самое дорогое, что у меня есть, – мою малышку и моё сердце.

А он играл нашими чувствами и жизнями, как будто они ничего не стоили.

Использовал нас ради другой. Ради его любимой женщины.

Содержание

Глава	4
1	5
2	8
3	12
4	15
5	19
6	22
7	25
8	29
9	34
10	38
11	45
12	49
13	53
14	58
15	64
16	70
17	76
1	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

После развода. Живи без нас!

Глава

– Мамочка, а дядя Вадя будет мне хорошим папой? – спрашивает дочка во время венчания.

В первых рядах раздаются смешки.

– Конечно, малышка. Самым лучшим, – отвечаю с улыбкой.

– Дядя Вадя, а настоящие папы дарят детям красивые платья, возят на море и никогда не обманывают.

– Договорились, детка! – с готовностью обещает мой почти-муж.

Я доверила мужу самое дорогое, что у меня есть, – мою малышку и моё сердце.

А он играл нашими чувствами и жизнями, как будто они ничего не стоили.

Использовал нас ради другой женщины.

Юля

– Мамочка, а дядя Вадя будет мне хорошим папой? – Маришка вроде как шепчет, но так громко, что первых рядах церкви раздаются смешки.

Священник как раз готовился начать венчание, но делает паузу. Взгляд его мягкий, понимающий. Он считает детский вопрос достаточно важным, чтобы задержать начало обряда.

Я наклоняюсь к дочке, поправляю съехавшую на бок корону – блестящую, с выщербленным синим стразом на лбу. Маришка настояла на том, что это обязательная часть её наряда. «Раз ты сегодня королева, мама, то я буду принцессой. У меня должна быть корона». Я не стала спорить. Корона так корона. Пусть у моей малышки будет всё, о чём она мечтает. Включая доброго, любящего папу, которого я для неё нашла.

– Конечно, Вадим станет тебе самым лучшим папой.

Мариша смотрит на Вадима, её требовательный голубой взгляд эффективнее детектора лжи. Проверяет его на надёжность, не иначе. Вообще у моей малышки слишком взрослый взгляд. Иногда мне хочется от него спрятаться. Когда не знаю, что ответить. Когда не уверена сама.

В воздухе висит неподвижность, как будто время замерло, чтобы позволить нам разрешить запоздалый детский вопрос до начала венчания.

Вадим стоит прямо, немного напряжённо. На долю секунды он ловит мой взгляд, и я вижу на его лице выражение, которое не могу расшифровать. Оно исчезает быстро, как вспышка. Сомнение? Боль? Тень?

Он тут же улыбается, хотя и сдержанно.

А потом он опускается на одно колено перед моей малышкой и протягивает ей руку. Это так внезапно и искренне, что у меня перехватывает дыхание. В глазах Вадима неожиданная мягкость и решимость.

– Принцесса Марина, – говорит он торжественно, без усмешки, – я обещаю быть твоим верным подданным отныне и во веки веков. Я пока что не умею быть папой, но если ты меня научишь, то постараюсь тебя не разочаровать.

В этот момент в церкви словно стихает весь шум, слышны только лёгкий шёпот свечей и тихое дыхание собравшихся.

Маришка смотрит на протянутую руку Вадима, потом поднимает глаза на его лицо. Корона соскальзывает на лоб, но она не поправляет её. В её взгляде – смесь удивления и, может быть, осторожной надежды.

Вадим остаётся на одном колене, не спешит подняться, давая ей время принять его обещание. Я вижу на его лице искренность, и в то же время – нечто напряжённое, как будто за этой мягкостью скрывается борьба с самим собой. Или страх быть отвергнутым, провалить самую важную роль его жизни – роль отца. Пусть приёмного, однако, так как Марина не помнит своего биологического папу – моего первого

мужа, погибшего, – Вадим будет единственным.

– Настоящие папы читают детям книги на ночь, возят на море, покупают красивые платья и... никогда не обманывают, – говорит дочка с долей вызова.

Вадим на секунду закрывает глаза, как будто всерьёз обдумывает выдвинутые требования, потом кивает.

– Договорились!

Я наклоняюсь, глажу дочку по голове и тихо улыбаюсь. Всё вокруг кажется чуть светлее, теплее. Но внутри меня лёгкое беспокойство, потому что эта клятва – начало чего-то важного и неизведанного.

Малышка осторожно кладёт руку на ладонь Вадима и обирачивается на меня, словно проверяя, правильно ли поступает. Я улыбаюсь ей в ответ, и она немного расслабляется.

Этот момент – тонкая ниточка между прошлым и будущим. Я знаю: дальше будет сложно. Но сейчас, в этом храме, с любимым мужчиной и моей дочкой, я хочу верить, что всё будет хорошо.

Юля

Ещё в школе Вадим выделялся.

Он был собранным, сдержанным, уверенным в себе – из тех редких парней, которые излучают внутреннюю силу, не нуждаясь в лишних словах.

Меня всегда привлекали такие – сдержанные, но надёжные, настоящие мужчины. Тогда, правда, мы были лишь одноклассниками. Просто знакомыми.

Вадим увлекался спортом, особенно футболом. Играл с азартом, как будто на поле решалась судьба мира. У него была девушка, Рая, из нашего же класса. Я помню её звонкий смех и как она всегда болела за него во время матчей.

Мы с Вадимом почти не общались – слишком разные компании, интересы и круги общения. Наши жизни тогда шли параллельно, не пересекаясь.

После окончания школы я пару раз ходила на встречи выпускников, но, если честно, вообще не помню, был ли там Вадим.

Мы жили, как планеты на разных орбитах, иногда видя друг друга мельком, но не сближаясь.

А потом однажды встретились в кафе. Неожиданно. Я три года как вдова, а Вадим до сих пор не женат. Столкнулись и не прошли мимо.

Казалось, это был обычный день. Случайная, ничего не значащая встреча. Но именно в такие моменты, когда ничто не предвещает перемен, жизнь порой вдруг резко меняет курс.

Я увидела Вадима и будто узнала заново. Мы заговорили, и с первого взгляда, с первого слова между нами словно что-то щёлкнуло. Вспыхнуло, ослепило, закружило. Не просто симпатия, а острая, почти подростковая влюблённость.

С первым мужем у нас всё развивалось постепенно: сначала дружба, потом – любовь. Всё было размеренно, логично. У нас был счастливый брак, и я тяжело переживала смерть мужа.

А с Вадимом... нас словно захлестнула волна, которая унесла прочь все страхи, сомнения и прошлое. Никогда не считала себя способной так внезапно и остро потерять голову.

Мы стали неразлучны почти с первого дня. Странно это признавать – нам обоим за сорок, но держимся друг за друга так, будто нам по восемнадцать. Как будто жизнь дала второй шанс, и мы не намерены его упустить.

И вот теперь стоим в церкви перед священником. Всего три месяца после встречи в кафе.

Конечно же, меня отговаривали – родные, друзья. Говорили, что не стоит торопиться, что отношения требуют времени, чтобы проверить чувства, присмотреться друг к другу и понять, насколько мы действительно подходим. Уверяли,

что разумный подход – это не поддаваться первым эмоциям, а выждать, прислушаться к голосу разума.

Они наверняка правы. Но ведь есть вещи, которые невозможно измерить логикой или временем. Когда ты встречаешь «своего» человека, ты просто знаешь это. Это знание не требует доказательств – оно приходит изнутри, словно внутренний компас, указывающий единственно верное направление.

Так случилось и с Вадимом. С самого начала между нами установилась какая-то удивительная гармония. Мы не просто понимаем друг друга, а как будто живём на одной волне. Каждый шаг делаем душа в душу.

Но главное даже не это. Для меня лакмусовой бумажкой является моя дочка, Маришка. А она отнеслась к Вадиму со снисходительной симпатией. Снисходительной – потому что он оказался совершенным профаном в детских мультиках и фильмах, да и игр особенно не помнил. Однако учится он быстро и с энтузиазмом, а это главное. И к Маришке относится внимательно. Не жалуется, если я не хочу оставлять её с няней и идти в ресторан, с удовольствием проводит время дома, с нами обеими. А главное – он хочет быть частью нашего быта. Называет нас «мои девочки». Покупает игры для нас троих. На днях притащил игровую приставку, так они с Мариной так заигрались, что было не понять, кто из них старше...

Вадим поставил детское автомобильное кресло в свою ма-

шину. У него в кармане всегда есть любимые конфеты моей малышки. Он купил ей костюмы всех Диснеевских принцесс...

Так что да, он будет хорошим папой для моей девочки.

Юля

Священник начинает обряд, когда Маришка снова дёргает меня за руку. Её глаза огромные, встревоженные.

– А дядя Вадя не исчезнет? – шепчет она. Наверняка думает про своего погибшего отца, которого совсем не помнит.

Я чувствую, как у меня внутри всё сжимается. Не от самих слов дочки, а от того, каким испуганным тоном она это говорит, какие глубокие вопросы задаёт. Мы обсуждали моё грядущее замужество несколько раз, но, видимо, Мариша только сейчас по-настоящему осознала, что это происходит на самом деле, и у неё возникли срочные вопросы.

Глажу её по спине, стараясь, чтобы рука не дрожала. Я не знаю, что ответить.

В груди, под рёбрами, будто что-то проваливается.

– Нет. Вадим не исчезнет, – успокаиваю, хотя не имею никакого права давать такие обещания. Все мы ходим под одним небом, и случиться может что угодно. – Тебе нечего бояться, моя хорошая. Ты для меня всегда на первом месте.

Мариша берёт меня за руку и сжимает изо всех сил. Это жест поддержки и единства.

– Тебя ещё что-нибудь беспокоит? – спрашиваю тихо.

– Нет, – мотает головой. – Я верю дяде Ваде.

Я киваю священнику, и он снова начинает обряд.

Хор поёт протяжно, мягко. Слова неразличимы – будто сливаются вместе, закручиваются в воздухе. Где-то потрескивает свеча. Тёплый воздух пахнет ладаном.

Слова батюшки звучат как будто издалека. Молитвы – ритмичные, певучие, красивые. Я слышу, как за спиной кто-то всхлипывает – мама, наверное. Или тётя Вадима.

Свечи обволакивают меня светом, как коконом. Ладан щекочет ноздри.

Великое таинство обряда заполняет меня благоговением. Слушая батюшку, одновременно произношу свою молитву о том, чтобы мой второй брак был счастливым. Для меня и для дочки. И для Вадима, конечно.

Чтобы мы стали семьёй.

Любуюсь суровым профилем Вадима, его мускулистым телом спортсмена...

Вдруг замечаю на его лице ту самую тень, которая настояжила меня ранее.

Секунда – и она исчезает.

Наверное, это моё воображение.

Хотя может и нет. Вадим не хотел венчаться в церкви и согласился только потому, что я настояла, и то с недовольством. Ему бы хватило простой росписи в ЗАГСе. Возможно, ему некомфортно здесь, но он согласился на венчание ради меня.

Батюшка благословляет нас, его руки скользят по воздуху, слова вплетаются в пространство.

Теперь мы муж и жена.

Люди начинают нас поздравлять, церковь наполняется шорохом, движением, тёплыми фразами. Со всех сторон тянутся руки – кто-то дарит цветы, кто-то обнимает, кто-то просто произносит слова, наполненные теплом. Всё перемешивается в светлую суету – вспышки камер мелькают, как звёзды. Кто-то громко смеётся, кто-то шепчет на ухо пожелания.

Мариночку кто-то берёт за руку, и она нехотя отходит.

В этот момент Вадим мягко наклоняется ко мне и целует в висок. Его прикосновение – тёплое, уверенное, словно якорь в океане эмоций, бушующих вокруг. Он заглядывает мне в глаза, и я вижу в его взгляде глубину и нежность.

– Ты в порядке? – спрашивает он, почти шёпотом, но в его голосе – забота, внимательность, и что-то ещё. Неуловимое, но очень важное.

Улыбаюсь ему всей душой.

– Да.

Юля

Полгода спустя

Сажу на балконе с чашкой чая – он уже почти остыл, но я не замечаю. Внизу, на аккуратной, вылизанной до блеска детской площадке, Мариша учится играть в футбол.

В этом дворе обычно тишина, стерильная и дорогая. Здесь дети не бегают как попало и в чём попало, обычно здесь всё по негласным правилам элитного комплекса. Дети чинно ходят по двору либо с няней, либо с охраной, либо под наблюдением камер и под бдительным взглядом матерей в солнцезащитных очках.

Мы с Маришей раньше тоже были такими, *правильными*.

А потом в нашей жизни появился Вадим. С ним к нам переехали фотографии и воспоминания его короткого, но такого яркого и многообещающего футбольного прошлого, которое резко оборвала травма. И тогда дочка загорелась футболом.

Сначала Вадим играл с Маришей один на один. Во дворе, где обычно слышен только шелест шин дорогих машин и вежливое «да, Иван Сергеевич» от охраны, они были единственным источником звука. В этом дворе никто не бегал, не кричал, не падал. Здесь это считалось почти неприличным.

Но день за днём, час за часом, к Вадиму с Маришей начали подходить – сначала осторожно, издалека. Один мальчик лет семи, в рубашке и лакированных туфлях вышел с мячом в руках, будто искал повод остаться. Девочка, которую няня пыталась увести, замерла на полпути и отказалась идти домой. Потом кто-то побежал за мячом. А дальше процесс уже было не остановить. Детский смех, шум, мяч, отскакивающий от бордюров, – всё это будто вырвалось наружу после долгой тишины. Вадим будто вернул то, чего здесь давно не было, – настоящее детство.

И вот он в футболке и спортивных шортах показывает Марише, как бить по мячу, как двигаться, не боясь испачкаться. Сначала она осторожничала, но Вадим умеет так поддержать, что она забывает бояться.

– Не бей мяч, как будто он из фарфора, Мариш! И не бойся, он не кусается! – говорит он с улыбкой.

И она бьёт. Смеётся. Падает – он поднимает. И снова мяч летит в сторону надувных ворот.

Я сижу, смотрю, и сердце моё не просто тает – оно будто оживает.

Вадим поворачивается к остальным детям.

– Кто на ворота? Только предупреждаю: Мариша у нас сегодня в ударе!

Смех поднимается над двором, как в обычном, «неэлитном» детстве.

За несколько месяцев Вадим сделал невозможное. Он не

просто стал для Мариши настоящим отцом, а растопил лёд вокруг нашего холодного, вылизанного мира.

Ему когда-то прочили великое футбольное будущее. Контракты, сборную, огромную славу. Но травма поставила точку. Или, может, запятую, потому что сейчас он нужен здесь, в этом дворе, где играют в самый настоящий и важный футбол. Теперь он – центр двора. К нему сбегаются дети с разных подъездов, зовут "дядя Вадя", а кто и просто – "Вадим, посмотри, как я могу!". Он всех помнит по именам, всем даёт советы. И сам при этом выглядит счастливым.

Мариша ловит мяч и поворачивается к Вадиму, радостная, как никогда.

– Я забила! Видел?!

– Видел, чемпионка! – Он хлопает в ладоши так искренне, будто это финал Лиги чемпионов.

А я глотаю тёплый чай и понимаю: вот оно, настоящее. Не в ценах на машины, не в квадратных метрах, не в охране. А вот в этом моменте. В детском смехе. В моём муже.

Здесь не положено шуметь на балконах, но... Выйдя замуж за Вадима, я расслабилась и перестала волноваться о том, какие гадости скажут обо мне соседи, чей кошелёк больше, чем сердце. Аплодирую дочке стоя, праздную забитый гол.

Маришка поднимает голову и смотрит на меня счастли-

вым, блестящим взглядом.

– Мама, Вадя научил меня забивать настоящий гол!

От «дядя Вадя» она постепенно перешла на просто «Вадя». На «папу» она пока что не решилась, кроме тех ситуаций, когда Вадима окружают соседские дети. Тогда она объявляет властным и непререкаемым тоном: «Отстаньте от него! Это мой папа!»

– Ты умничка, Мариша, но, к сожалению, Вадиму пора ехать, – говорю с грустью.

– Не-е-ет! – Дочка цепляется за его брючину.

– Не-е-ет! – вторит ей Вадим.

Смеюсь и качаю головой. Мне и самой не хочется расставаться с мужем, но я уже привыкла, что каждые третьи выходные он проводит у тёти, которая его вырастила.

Юля

Наши отношения с тётёй Зиной не задались с самого начала, и чем дальше, тем яснее становилось: между нами не будет ни теплоты, ни даже минимального взаимопонимания. Я старалась... искренне пыталась найти к ней подход – не по обязанности, не из вежливости, а потому что мне действительно хотелось наладить контакт с женщиной, которая заменила Вадиму мать. Но увы, у меня не было ни малейшего шанса. Ни на расположение, ни даже на простую, человеческую вежливость.

Муж заранее предупредил, что у Зины характер, как у бензопилы – пилит всё без разбора и без остановки. Он посоветовал не тратить нервы и силы на попытки с ней подружиться, потому что всё равно не получится. Я, конечно, не послушалась. Думала – переборщик, преувеличивает. Самоуверенно решила, что у меня получится наладить контакт: с уважением, с терпением, по-доброму.

Как бы не так!

Старая карга – иначе её и не назовёшь – отвергла меня с первой встречи, причём сделала это демонстративно, грубо и с такой ядовитой прямоотой, что я даже опешила. Ни на какие мои попытки разрядить обстановку она не реагировала. Более того, её холодное презрение распространилось и на

Маришу. В глазах Зины мы обе «не те» – не та жена, не та семья, не тот круг, не то место жительства.

Надо отдать должное мужу – он сразу встал на мою сторону. Спокойно, без лишней драмы, вывел тётю Зину в коридор, чтобы поговорить с ней без свидетелей. После той беседы она перестала открыто на меня нападать. Больше не кричала, не язвила прилюдно, не пыталась довести меня до слёз.

Но теплее от этого не стало.

Теперь она предпочитает молчаливую враждебность: смотрит исподлобья, будто прицеливается, и если и говорит что-то, то непременно с ехидцей. Порой кажется, что ей доставляет удовольствие само существование напряжённости между нами, как будто это её личная месть за что-то, о чём я даже не догадываюсь.

Или, возможно, догадываюсь...

Вадим не раз уверял меня, что проблема не во мне. Холод, неприязнь, обидные намёки и колкие взгляды – это не отражение моих поступков, а эхо прошлого его тёти, глубоко укоренившихся комплексов и неотпущенных обид.

У Зины своя история, полная боли, горечи и потерь. Жених бросил её буквально у алтаря – ушёл в последний момент, не объяснив ничего, просто исчез. Потом стало известно, что он уехал в город, чтобы жениться на богатой женщине. С тех пор слова «город» и «богатый» для Зины ассоциируются с предательством и потерей.

И это ещё не всё. Сестра Зины, мать Вадима, поступила

так же – сбежала из родного дома от хорошего парня к крутому городскому. Последствия оказались трагическими: они с городским любовником погибли в автокатастрофе, и Зине пришлось взять на себя заботу о маленьком Вадиме. Он стал её обязанностью, её жизнью и единственным, что осталось от сестры. Зина вырастила его, вложила в него всё, что могла, и, наверное, надеялась, что он останется рядом, будет благодарен, будет продолжением её собственной жизни. А он тоже уехал – в тот самый город, который она всю жизнь ненавидела, и, как назло, женился на девушке из состоятельной семьи. На мне.

Я не могу винить Зину за прошлое. Я даже могу понять её обиду, уязвлённую гордость, её ощущение, что история снова повторяется – только теперь она не наблюдатель, а будто бы проигравшая в несуществующем состязании.

Но принять это как оправдание?

Нет. Это несправедливо. Я не разрушила её жизнь, не предавала её доверие, не заслужила ту неприязнь, с которой она на меня смотрит.

Юля

Жить в городе не преступление. Быть частью состоятельной семьи – не вина. А любить человека – это не вызов и не месть. Но для Зины всё это неотделимо от её собственных ран, и потому я в её глазах не личность, не родня, а символ всего плохого. И всего, что у неё отняли.

Это несправедливо. Ни для неё. Ни для меня.

Но я уважаю то, что Вадим не бросает пожилую и больную женщину, которая вырастила его как родного. И которая сама, между прочим, на время переезжала в ненавистный ей город, чтобы Вадим смог пойти в хорошую школу, где мы и учились вместе. Зина таскала его на футбол по нескольку раз в неделю, жила ради него, трудилась на двух работах...

А потом выпустила Вадима в мир и вернулась в родное село.

Я уважаю её за это, поэтому и пыталась наладить отношения. Искренне, по-человечески, без высокомерия или жалости.

Когда Зина приехала на нашу свадьбу, я увидела в этом шанс. Надеюсь, что торжество, тепло семьи и общее счастье смогут хоть немного растопить лёд. Я старалась быть вежливой, внимательной, – делала всё, что могла. А в ответ не получила ни улыбки, ни тени доброжелательности, только

холодное неодобрение происходящего.

Во время церковного обряда Зина плакала. Не от радости, а наоборот. Потом сказала, что Бог не должен нас благословлять.

Однако даже после этого я упорно продолжала стараться наладить отношения и поэтому решила навестить Зину в её селе. Думала, может, в привычной для неё обстановке ей будет проще раскрыться. Может, если не пытаться переломить её, а просто проявить участие – это что-то изменит.

О той поездке сейчас даже вспоминать тяжело. Внутри всё сжимается от смеси ужаса, брезгливости и страха, которую я тогда пережила.

Зина живёт на окраине села, в старом деревянном доме, словно застрявшем во времени. Ни туалета, ни водопровода. Воду она таскает из колодца, печь топит сама, живёт, как в позапрошлом веке. При этом не от бедности, а по убеждению. Сама так решила. Как будто в отказе от всех благ цивилизации она находит не только смысл, но и моральное превосходство. Эта бедность для неё – орден, доказательство силы, честности, независимости.

Хотя, при всём своём презрении к деньгам, она без колебаний берёт наши с Вадимом. И берёт немало: лечение, операции, реабилитация – всё оплачиваем мы. Со здоровьем у неё большие проблемы, а Вадим считает себя в неоплатном долгу. Я поддерживаю его во всём, но... не могу сказать, что мне легко помогать женщине, которая меня ненавидит.

Поездка к Зине в село состоялась вскоре после свадьбы, ещё до первой операции, и стала немалым испытанием для всех нас. Я чувствовала себя лишней в каждом углу дома. Вадим сразу предупредил Зину, что не потерпит оскорблений в мой адрес, и действительно, она не произнесла ни одного враждебного слова. Но в её взгляде было столько отторжения, столько невыносимой, почти животной неприязни, что я не могла прикоснуться к еде, которую она готовила. Не могла спать во враждебном доме, где стены хранят слишком много злобы и печали.

Но самым страшным было даже не это. С нами была Мариша. Маленькая, жизнерадостная, открытая всему хорошему. И я вдруг поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы этот ребёнок впитывал в себя хоть каплю той злости, что витала в воздухе.

После этой поездки мы с Вадимом приняли решение, которое стало для меня облегчением. Больше я к Зине не поеду. Не буду продолжать тщетные усилия завоевать её симпатию.

Теперь Вадим ездит к ней один. Он её племянник, он заботится о ней, как о матери, и я уважаю его за это. Но больше не стану подставлять лицо под невидимые удары.

Я сделала всё, что могла. Этого достаточно.

Юля

– Ма-ам... Скажи Ваде, чтобы он не уезжал к бабе Яге! – просит Маришка, заходя в квартиру.

– Марина! Я просила не называть так бабу Зину! – шиплю на дочку.

– Она и есть баба Яга, – усмехается Вадим, целуя меня в щёку по пути в спальню.

– Вот видишь, мам! Она точно баба Яга. У неё и клюка есть...

– Это потому что у бабы Зины больные ноги, поэтому ей трудно ходить...

– Нет! Ничего ей не трудно ходить! Ей нужна клюка, потому что она баба Яга! – как всегда заверяет меня дочка.

В этот раз я с ней не спорю. На самом деле Маришка права, Зина и есть баба Яга, и я очень надеюсь, что мы с дочкой никогда больше её не увидим. Но при этом уважаю то, что Вадим не оставляет тётю одну и с честью выполняет свой долг.

Только надеюсь, что лечение скоро сработает, и тогда Вадиму не придётся уезжать так часто.

Дочка уходит в свою комнату, а я захожу в спальню.

Вадим переодевается. Снимает шорты, и мой взгляд по-

что машинально скользит вниз – к его правому колену, где видны два широких, неровных шрама. Они всегда привлекают моё внимание. Не из-за своей формы или цвета, а из-за истории, которую несут. Следы невероятной боли, физической и душевной, жутких разочарований и разрушенных жизненных планов.

– Это был самый впечатляющий футбол, который я когда-либо видела, – говорю, сдерживая улыбку. – Твои дворовые фанаты были просто в восторге.

Вадим фыркает – почти смех, но сдержанный, привычно сухой. Однако я знаю – ему нравится, когда дети выются вокруг, когда кричат его имя, когда спорят, кто будет с ним в одной команде. Наш двор стал для него местом, где ожила его прошлая мечта.

Опускаюсь перед ним на колени и прижимаюсь губами к шрамам. Хочу действиями выразить то, что словами не всегда получается.

Это не только любовь. Это благодарность. За его терпение, за то, как он играет с Маришей и соседскими детьми, как меняет их жизнь к лучшему. За то, что остаётся добрым в мире, где доброта требует мужества.

Он смотрит на меня сверху вниз, хмурится, как будто мои действия для него слишком неожиданны, и он чувствует себя неловко. Однако по глазам вижу – он тронут. Смотрит на меня с непонятным волнением. Такое случается нередко, как будто иногда чувства застают его врасплох, и он не знает, что

с собой делать. Обычно он ведёт себя сдержанно, порой даже слишком, но иногда мне кажется, что его вот-вот прорвёт, и тогда нас обоих захлестнёт с головой.

Мы не всегда говорим друг другу то, что нужно. Иногда забываем, иногда боимся быть слишком открытыми. Но в этот момент между нами нет ни стен, ни недосказанности. Только тишина, тепло и моё прикосновение – к его колену, к его памяти, к его сути.

– Мне надо в душ, – хрипло говорит Вадим и уходит, оставляя меня на коленях. Как будто смущается охвативших его чувств.

Через четверть часа он уже одет, с сумкой в руках. Подхватывает Маришку, подкидывает её в воздух и тормошит на прощание.

– Не уезжай к бабе Яге! – хнычет дочка. – Она тебя съест!

– Не бойся, не съест. У неё сломалось помело, и никто, кроме меня, не сможет его починить.

– Нет-нет! – Маришка трясёт головой. – Не доверяй ей! Как только починишь помело, она сразу накинется на тебя и съест! Р-р-ро-о! Чав-чав-чав! – Рыча, малышка прыгает вокруг Вадима.

Смеясь, мы с мужем обнимаемся.

Он смотрит на меня как-то странно. Долго, пристально.

Наверное, это из-за неловкого момента в спальне.

На секунду мне кажется, что сейчас он скажет что-то очень важное. Одной рукой он обнимает меня, другой под-

гребает к себе Маришку.

– Значит так, мои красавицы! Не ленитесь, тренируйтесь как следует. Чтобы к моему возвращению был значительный прогресс. Когда бьёте по мячу, сначала смотрите на цель, а потом – носок вперёд, ногу твёрдо, и не трусьте! Главное не сила, а направление удара!

Вадим целует меня в кончик носа, а я прячу разочарование за улыбкой.

Юля

– Пап, ты шутишь? Это какой по счёту шашлык?

Папа не смотрит на меня, продолжает щипцами переворачивать мясо на мангале. Дым струится вверх, пахнет жареным, специями и домом – вкусно, по-летнему.

Я стою на террасе, облокотившись на перила, босая, с бокалом лимонада в руке. На мне лёгкое платье, волосы пахнут дымом и солнцем. Настроение светлое и лёгкое, как небесная гладь.

Папа в своём любимом фартуке с надписью "Главный по мясу". У него сосредоточенное лицо и прищур от жара – как всегда, когда он занят важнейшей миссией накормить всех до отвала.

– Пока сделали пятьдесят шашлыков, – отвечает он и переворачивает шампур. – Но сейчас ещё будут стейки.

Оторопело смотрю на него. Кажется, я ослышалась.

– Пятьдесят?! Кто это всё съест?!

– Мы, – хмыкает. – Юля, ты каждый раз удивляешься, а потом мы всё съедаем.

– Ага, а потом каждый раз жалуемся, что лопнем, и обещаем друг другу, что больше не будем так наедаться.

Из сада доносится весёлый смех мамы и Нади – жены моего старшего брата Арика. Они раскладывают нарезку и за-

крывают прозрачной плёнкой, против насекомых. Похожи не на свекровь с невесткой, а на лучших подруг, – всегда хлопчут вместе, и всё делают в четыре руки.

На большом столе под зонтом – вазы с черешней, салаты, нарезки, тёплый хлеб в корзинке, пирог с абрикосами. Всё это смотрится как иллюстрация к слову "уют".

– Тебе когда-нибудь приходило в голову, что мы – семейство жутких обжор? – спрашиваю, усмехаясь.

– А то! – отвечает папа. – Еда – это своего рода культ. Поверь мне, дорогая: грехи не настолько плохи, насколько нас уверяют. Позови Вадима, он маринует курицу. Пусть приносит.

– А курица-то зачем?

– Твоя мать решила, что с сегодняшнего дня ест только курицу.

Я смеюсь. Ну да, мама как всегда в своём репертуаре. Каждый месяц у неё новое открытие: то вегетарианство, то кето, теперь ест только курицу. Через неделю это будет рыба, потом бобовые, злаки, молочные коктейли, потом ещё что-нибудь. За ней не успеваешь. Но мы поддерживаем её, конечно, хотя и не без шуток.

В саду суeta – дети Арика и Паши, моих старших братьев, гоняются друг за другом с мыльными пузырями и визжат от восторга. Шестеро уже: от двух до девяти лет. И все, как один, с папиными глазами – серо-зелёными, внимательными. На заднем плане – батут, качели, гамаки между дере-

вьев.

Детский рай.

Трава мягкая, зелёная, пахнет июльским теплом.

Родительский дом добротный, солидный, похожий на старые русские усадьбы. Настоящий семейный дом, в который хочется возвращаться. Деревянный, с высокими окнами, верандой, длинными тенями от деревьев и запахом сирени. Дом детства. Дом, где у каждого есть своё место – и своё одеяло, и чашка, и история. Где стены помнят, как я воровала варенье, а Арик с Пашей устраивали войнушки на чердаке и доводили маму до крика.

Я спускаюсь по ступенькам, босиком, зову.

– Вадим! Тащи курицу, пока папа не ушёл в отрыв! А то у нас мяса не хватает! Срочно! Вообще нет мяса! Умрём от голода сегодня!

Со всех сторон сада раздаётся смех.

Появляется Вадим с бутылкой соуса в руках, притворяется, что паникует по поводу нехватки мяса. Обнимает меня за талию и чмокает в нос.

Он быстро влился в нашу семью, хотя поначалу терялся от масштабов – слишком много людей, слишком много разговоров одновременно. Но теперь привык – сам шутит в стиле папы и спорит с моими братьями о рецептах соусов.

Слышен звон бокалов, кто-то включает музыку – старые песни, под которые мама с папой когда-то танцевали на свадьбе. Дети пляшут, катаются кубарем по траве, собака Ари-

ка норовит что-то стащить со стола, кто-то что-то проливает, мама строго требует не бегать по грядкам, и всё это – жизнь. Теплая, громкая, щедрая.

Я осматриваюсь. Большой дом, густая зелень сада, дым от мангала, гул голосов, запах еды и много-много любви.

И вот в этом – счастье. Настоящее.

Пока Вадим занят курицей, я помогаю папе отнести шашлыки в дом. Кладём их в тёплую духовку, чтобы не остыли.

– Вадим какой-то подавленный сегодня, – говорит папа, бросая на меня косой взгляд.

– Он всегда такой по воскресеньям, когда возвращается от Зины. А сегодня ему пришлось вернуться утром, чтобы успеть приехать к нам. Представляю, какую истерику она закатила!

– М-да, тяжёлая женщина. Неужели нельзя как-то с ней договориться?

– Ты прекрасно знаешь, что мы как только ни пытались! Единственное, на что я ни за что не соглашусь, – это чтобы Зина жила с нами, но Вадим об этом и не просит. А так я готова на что угодно.

– Вы предложили купить ей квартиру в городе? Ты же знаешь, что я дам денег, без проблем. Я знаю, что Вадим отказался брать деньги, но ты сможешь его уговорить, я уверен. Он теперь член семьи и работает на наш бизнес, причём хорошо работает, талантливый парень и надёжный, так что...

– Пап, ну мы же сто раз об этом уже говорили! Ничего

не изменилось. Вадим сначала не хотел брать у тебя деньги, потому что ты и так помогаешь нам платить за лечение и реабилитацию Зины, но мне удалось его убедить, и он предложил Зине квартиру в городе близко к нам. Она наотрез отказалась. Живёт почти в лесу в своём доме бабы Яги, как Маришка его называет, и гордится этим...

– Погоди-ка... Тут, как мне кажется, проблема в том, что Вадим ей *предлагает*, – может, пора не предлагать, а требовать? Раз он теперь за ней ухаживает, да и мы всей семьёй платим за её лечение, причём немало платим, то у него есть право диктовать условия. Пусть Зина переедет в город, чтобы ему не приходилось вечно мотаться. Да и к больнице ближе будет.

Раздражённо выдыхаю. Папа всё правильно говорит, я и сама думаю так же, как он, но...

– Зина посвятила несколько лет Вадиму и жила только ради него. Он считает неправильным навязывать ей свою волю. Хочет, чтобы она сама решала, как жить и где.

– Да уж! – Папа со свистом выдыхает сквозь сомкнутые зубы. – Ты отхватила себе хорошего, порядочного мужика, Юля-красотуля. Это и хорошо, и сложно одновременно.

Юля

Мама с папой начинали с нуля.

В то давнее время они первыми в нашем городе начали продавать товары по каталогам: косметика, посуда, бельё, товары для дома. Тогда это казалось чем-то почти волшебным – заказывать по картинке и ждать посылку. Папа ездил на склад, мама обзванивала клиентов по вечерам с блокнотом и ручкой, а мы с Ариком и Пашей вкладывали брошюры в посылки и отправляли каталоги, в первое время даже писали адреса от руки.

Сначала весь бизнес вёлся на кухне, потом сняли офис. Через какое-то время открыли магазин, потом ещё один. Родители не разбогатели в одночасье, просто были упрямыми, очень трудолюбивыми и настойчиво верили в успех. И наш теперь уже большой и очень успешный семейный бизнес, наша благополучная, состоятельная жизнь – всё это выросло из сваленных на маленькой кухне коробок с дуршлагами, кремами, носками, часами и бижутерией. Из тяжёлого и дружного труда.

Арик и Паша сразу стали работать в семейной фирме, это как будто само собой сложилось. Но при этом каждый пошёл своим путём, чтобы внести что-то своё. Арик параллельно выучился менеджменту, именно он автоматизировал учёт,

внедрил новые компьютерные системы, занялся продвижением через интернет. Можно сказать, он дал семейной фирме второе дыхание.

Паша более творческий, он окончил факультет дизайна и коммуникаций. Именно он придумал фирменный стиль, редактировал каталоги, организовывал фотосъёмки товаров и вёл соцсети, когда это ещё только начинало быть трендом. Благодаря ему у фирмы появилось лицо – стильное, запоминающееся, живое.

Они очень разные, но вместе с родителями сделали бизнес не просто стабильным, а по-настоящему успешным – и современным, несмотря на то, с какого примитива всё начиналось.

Ну а я пошла своим путём, по крайней мере, в начале. Будучи всеобщей любимой малышкой (даже когда выросла!), я хотела доказать, что чего-то стою без протекции отца и братьев. Выучилась маркетингу, работала в больших компаниях... а потом всё-таки вернулась в родное гнездо и стала работать на отца. Не по протекции, а потому что смогла показать себя хорошим специалистом.

Единственный человек здесь, кто не является роднёй, – это правая рука отца, Даня. Но и он тоже фактически член семьи, работает на фирму почти с самого её основания.

– Эй, Процентыч, ты ни фига не делаешь, как всегда, так помоги мне вынести напитки! – зову его, усмехаясь. Даня финансовый директор, которого шашлыком не корми, толь-

ко позволю попинать циферки, отсюда и прозвище. Одно из многих.

Он нехотя отлипает от своей девушки и направляется ко мне ленивой походкой.

– Меня пригласили сюда, чтобы отдыхать, а не нянчиться с папиной принцессой, – задирает он меня в ответ.

Его девушка смеётся, хлопает в ладоши.

– Даня, почему ты не сказал, что у тебя такое классное прозвище?

– Потому что у меня его нет! – Даня скалится. – Довольна? – убивает меня взглядом.

– Оленька, это не прозвище, а настоящее имя Дани. – Коварно улыбаюсь. – Процент Калькуляторович. Сокращённо – Процентыч.

Девушка смеётся, Даня кидается в меня горстью песка из песочницы – как в детском саду!

– Вроде взрослые люди, а хуже детей. – Мама качает головой, но при этом смеётся.

У нас с Даней всегда была конкуренция. Ничего серьёзного, просто лёгкая, завуалированная непереносимость друг друга. И это уже не изменится, слишком много лет прошло. А всё потому, что мы оба – папины любимцы: Даня – потому что он талантливый и надёжный, а я – потому что всегда была папиной принцессой, а теперь ещё и хороший маркетолог.

Краем глаза замечаю, что Вадим отвечает на звонок, взглядом просит папу проследить за мангалом, а сам отходит

в глубину сада. Мимо пробегают смеющиеся дети, и Вадим морщится, закрывая телефон. Старую каргу наверняка раздражает детский смех. А может, Вадим скрывает от неё, где он сейчас. Придумал другое оправдание, чтобы уехать раньше обычного.

Не хочу даже думать о тёте Зине. Притворяюсь, что её не существует.

Даня останавливается рядом со мной, смотрит вслед Вадиму, сощурившись.

– Что-то не так? – спрашиваю, изгибая бровь.

– Да нет, всё так, – отвечает нейтральным тоном. – Твой принц сегодня смурной какой-то.

– Его тётка доводит до белого каления. Ничего страшного. У вас, мужчин, всё просто: Вадим сейчас съест полтонны мяса и оттаёт.

Даня усмехается и уходит.

Юля

Даня с Вадимом довольно часто пересекаются на работе – вообще, структура бизнеса такая, что все ключевые сотрудники так или иначе постоянно взаимодействуют. Не могу сказать, что они прям уж дружат – не те люди, которые будут выпивать вместе по вечерам и делиться сокровенным. Но это скорее из-за характера моего мужа. Он человек закрытый, молчаливый, больше слушает, чем говорит. Он интроверт. Ему сложно сблизиться с людьми по-настоящему, он редко бывает инициатором общения, и если кто-то этого не понимает, то сначала Вадим может показаться даже холодным. Только с детьми всё по-другому, с ними он расслаблен и открыт, как будто и сам до сих пор ребёнок в душе.

Когда мы с Вадимом объявили, что собираемся пожениться, моя семья восприняла это сдержанно, если не сказать с подозрением. Да, мы знали друг друга со школы, но тогда всё было на расстоянии, просто знакомство, не больше. А тут – встреча спустя годы, несколько недель общения, и вот уже разговоры о свадьбе. Слишком быстро, слишком внезапно, как им показалось. И, конечно, Вадим не подходил под тот негласный список качеств, которым общество определяет успешного человека. Ни квартиры в городе, ни громкой карьеры. У Вадима могла быть великая карьера,

ведь ему прочили грандиозное спортивное будущее. Но после травмы всё исчезло. Никаких возможностей, только самая обычная жизнь. Он жил в селе с тёткой, работал на местную компанию, занимался продажами – вроде бы всё стабильно, но без амбиций, без перспектив, если смотреть со стороны. У меня квартира, деньги, связи... а он сам по себе. Подозрительно? На первый взгляд, да.

Потребовалось время, чтобы мои родственники увидели, кто он на самом деле. Впечатление складывалось постепенно, из мелочей. Во-первых, стало очевидно, что в Вадиме нет ни капли корысти. Он не интересовался моими деньгами, всегда стремился внести свою часть, сколько бы ни было у него было на руках. Во-вторых, он оказался человеком с толковыми руками и ясной головой. Когда отец сказал, что нужно подлатать навес на заднем дворе, Вадим просто пошёл и сделал. Без разговоров, без позёрства. Потом помог наладить кое-что в офисе – электрика, полки, даже со складом подсказал, как организовать всё удобнее. Он не из тех, кто громко заявляет о себе – он просто делает.

А ещё – Маришка. Вадим отнёсся к ней так трогательно и терпеливо, как будто у него уже был опыт отцовства. Он дарит ей спокойное, тёплое внимание, без сюсюканья, без фальши. Играет с ней, помог найти друзей во дворе. И с другими детьми тоже играет в футбол на семейных сборищах. Мои родные, особенно мама, это заметили, и тогда их настойчивость начала отступать. Наступило всеобщее потепле-

ние. Вадиму поверили и приняли в семью с распростёртыми объятиями. Начали говорить про него иначе – не «этот твой Вадим», а просто «Вадим». А потом – наш Вадим.

Отец предложил ему должность менеджера по поставкам. Это была проверка, так как зять, женатый на «принцессе», мог бы рассчитывать на намного более высокую должность. А Вадим обрадовался, поблагодарил и в работе продемонстрировал такое усердие и такой талант, что его повысили уже через месяц и стали вовлекать в другие части бизнеса.

Поэтому, когда возникла проблема со здоровьем тёти Зины, и появилась необходимость в операции и длительной реабилитации, ни у кого не возникло вопросов или сомнений. Только всеобщая поддержка Вадиму. И деньги, конечно.

Так и живём. Семья. Простое и такое важное счастье.

Мы садимся за стол, погружаемся в привычный шум: клацанье столовых приборов, тихие разговоры, шелест деревьев, детские голоса.

«Оса! Меня сейчас укусит оса! А-а-а!» «Мама, скажи, чтобы Дима меня не толкал!» «Я тоже хочу яблоко. А где моё яблоко? Нет, я хочу вон то, как у Али».

Вадим сидит рядом со мной и методично разбирается с кучей мяса на своей тарелке.

Пользуясь тем, что все увлечены едой и разговорами, я наклоняюсь к Вадиму, чуть ближе, чем обычно, и тихо, по-

что неслышно, шепчу.

– Слушай, Вадь, а давай родим ребёночка?

Он перестаёт жевать, вдруг замирает на долю секунды... А потом резко вдыхает, и в ту же секунду начинает кашлять. Громко, судорожно, до слёз. Хватает себя за горло, как будто это поможет.

Испуганная, я вскакиваю с места. Остальные моментально отвлекаются от своих тарелок – мама вскрикивает, папа подаёт воду, Арик хлопает Вадима по спине. Всё это длится не больше полуминуты, но мне кажется, что время растягивается, как резина. Я в ужасе от того, что вызвала такую острую реакцию простым вроде вопросом.

Наконец Вадим успокаивается, делает пару глубоких вдохов, пьёт воду, кивает кому-то, мол, всё в порядке. Разговоры вокруг снова оживают: дети просят арбуза, кто-то вспоминает анекдот про дачу. Воспользовавшись всеобщим отвлечением, собака стянула стейк с папиной тарелки и теперь улепётывает с ним вглубь сада.

Вадим поворачивается ко мне – глаза покрасневшие после приступа кашля, взгляд внимательный, изучающий.

– Ты с чего вдруг это предложила? – спрашивает тихо, хрипло.

Вспоминаю, что мы никогда об этом не говорили. Не потому что не хотели, просто не дошли до этого. Наши отношения развивались стремительно, страстно и с рекордной скоростью. Так бывает, что, когда роман внезапный, бурный и

быстрый, то не успеваешь обговорить подробности дальнейших планов.

После смерти первого мужа я вообще не планировала больше выходить замуж, да и Маришки мне было достаточно. Она мне была и дочкой, и центром мира, и оправданием, почему можно больше ничего не начинать. А потом появился Вадим. Мы как будто перепрыгнули всё, что обычно обсуждают пары: возраст, планы, ожидания. Мы просто были рядом. Жили, с обоюдного согласия не заглядывая в будущее слишком далеко.

А теперь вдруг счастливые дети вокруг, запах шашлыка, тёплый воздух, разговоры фоном... Я смотрю на Вадима с тем спокойствием, которое приходит, когда ты очень точно знаешь, чего хочешь.

Мы, конечно, не первой молодости, но...

– Мы ведь с тобой не старые, – говорю я. – И у тебя с детьми какой-то особый дар, ты это знаешь. Посмотри, как Маришка к тебе тянется. Ты хорош во всём, за что берёшься: и в спорте, и в работе, и дома ты надёжный, настоящий. Я бы хотела родить от тебя ребёнка. Мы можем себе это позволить. У нас всё есть – большая квартира, стабильность, поддержка родных. И главное – любовь.

Муж ёрзает на месте, хмурится. Смотрит на меня как-то странно, словно силится понять, всерьёз ли я это предложила, или это странная шутка, каприз под влиянием семейной атмосферы.

– Мариша обрадуется, – добавляю. – Братик или сестрёнка, ей будет одинаково радостно. У меня здоровье отличное, тьфу-тьфу-тьфу, первая беременность прошла легко. Так что... почему нет?

Вадим отвечает после долгого молчания. Голос странный, сдавленный.

– Юля, послушай... Это несколько неожиданно, я не знаю... Мы с тобой никогда это не обсуждали раньше. Я думал, что ты уже всё...

– Что значит «всё»? Вышла на пенсию? Легла в гроб и сложила руки на груди? – Стараюсь улыбаться, но в голосе проскальзывает раздражение.

Вадим резко выдыхает, качает головой.

– Прости, милая... – Обнимает меня за талию и притягивает к себе. – Извини дубину, не то ляпнул сдуру. У меня голова не на том месте сегодня. Тётя Зина плохо себя чувствует, а лечиться отказывается. Непрерывно мне голову морочила своими заскоками, день и ночь. А потом, когда сказал, что мне надо раньше уехать, вообще перестала со мной разговаривать... Я ещё не успел отойти, а ты сразу с таким масштабным предложением. Вот я и ляпнул сам не знаю что, от шока. Прости меня. Я вообще никогда не думал о том, чтобы иметь детей, как-то не до этого было. А теперь Маришка в самый раз, больше ничего не надо. Давай дома поговорим, ладно? На свежую голову.

Обида враз исчезает. Испаряется. Не могу расстраивать-

ся, не после того, что он сказал про мою дочку. Про теперь уже *нашу* дочку.

Вадим не хотел иметь детей, а Маринка оказалась ему *в самый раз*. Сердце тает от таких слов.

Я и правда как-то внезапно предложила завести ребёнка. Не то время, не то место, уж точно. И ещё выбрала момент, когда у Вади полный рот еды, вот он и подавился.

А ведь я раньше как-то не задумывалась о том, будут у нас ещё дети или нет, а сейчас вдруг посмотрела, как племянники играют друг с другом, братья и сёстры... И меня внезапно осенило идеей: почему бы и нет.

У меня что на уме, то и на языке, – вот главная проблема.

Ничего, мы поговорим потом. Я смогу убедить Вадима. У него точно талант общаться с детьми, и он наверняка согласится.

Кладу голову мужу на плечо и улыбаюсь.

Вадим

Ребёнка она хочет...

Какой может быть ребёнок на фиг? Я и сам ещё не вырос.

С Маринкой мы как друзья, а не приёмный отец с дочерью. Играем в футбол, приставку новую купили, игр всяких набрали...

По дисциплине у нас Юлия главная, она кого угодно построит. Правила она устанавливает, режим тоже. А я главный по играм, вот такое разделение труда. Всё серьёзное – к Юле, она у нас главная.

А я... просто живу. Так, как получается. Как говорится, какая передача, такой и гол.

Иногда сидишь на солнышке, расслабишься, а тебе раз – и как локтем в солнечное сплетение. «Давай родим ребёночка».

Юля добрый человек, не хочется её обижать, но я и так уже во всём ей потакаю. Одно венчание в церкви чего мне стоило. Казалось, меня вот-вот поразит молнией за страшный грех. Жутко было, трясло всего. Но выдержал же... Обещал себе, что дальше будет легче. Что это – самая большая жертва, которая от меня потребуется. Я, конечно, как только

не уговаривал Юлю отказаться от венчания и просто расписаться. Но она ни в какую. Сказала, что предпочтёт вообще не расписываться, только бы обвенчаться. А дальше её понесло не в ту сторону – заговорила про наши души и прочую бабью ересь...

Я обычно отключаюсь на слове «душа», предохранитель сгорает.

Но обвенчаться пришлось. Раз теперь придётся гореть в аду, то хоть сейчас пожить бы нормально, хоть день или два, чёрт возьми.

Так нет же...

Ребёнка ей захотелось. Может, предложить ей обвенчаться второй раз вместо этого? Как там говорят? Обновить наши брачные клятвы... Какая-то подобная туфта.

Но только не ребёнка.

Я вообще не хочу никакой ответственности, никогда не хотел... Чёрт...

Кошусь на жену... на Юлю...

Как вспомню, что женился, так словно слон на грудь садится. Не могу дышать, в пот бросает. Тянет бежать на все четыре стороны. Жить не могу. Ничего не могу.

Так... спокойно, а то я как истеричка какая-то. Хотя после таких выходных немудрено свихнуться.

Кошусь на Юлю. Хмурая, ковыряется вилкой в тарелке.

Обиделась на меня за то, что не захотел ребёнка. Не скажу, чтобы она была очень избалованная, но есть немного. Скаывается привычка получать всё, чего она пожелает. Захотела ребёнка – я должен сразу снять штаны и сделать ей ребёнка. Без возражений. Прямо здесь.

А я взял и отказал.

Тьфу ты...

Нельзя так, надо помягче с ней. Как говорится, счастливая жена – покой и тишина. Я не должен этого забывать. Никогда.

– Прости, милая... – Обнимаю её за талию и притягиваю к себе. – Извини дубину, не то ляпнул сдуру...

Наливаю ей полные уши оправданий. Не вру при этом, потому что выходные у меня и правды были из разряда пыточных, поэтому сейчас еле держусь. Не обещаю ей ребёнка, а фактически откладываю разговор на потом.

Юля улыбается, подаётся ближе ко мне. Даже признаёт, что сейчас не время и не место это обсуждать.

Так и сидим обнявшись. Юля счастливо жмурится, не иначе как придумывает способы заставить меня согласиться на ребёнка.

А я... ни о чём не думаю. Просто живу, этого достаточно.

Ловлю на себе взгляд Дани, главного подхалима моего тестя. Ему нечем заняться что ли? Пусть лучше смотрит в свою тарелку, а то муху съест. Даня до сих пор мне не доверяет. Остальные уже потеплели ко мне, а этот не спускает глаз. На

работе тоже всё время рядом, хотя я занимаюсь поставками, а он – финансами. И когда семьёй соберёмся – а Даня, вообще-то, не семья, но тесть его всегда зовёт, – он тоже за мной наблюдает. Как будто уверен, что я вот-вот выкину какой-то фортель, который выдаст мои неприглядные намерения.

Пусть пялится на меня, ничего не найдёт.

Я просто живу.

Не стану врать, я неплохо живу. У меня семьи не было, только тётя Зина, а с ней расти было... интересно. Я и сейчас еле с ней управляюсь, а когда был мальчишкой, вообще по струнке ходил. Строгая женщина, принципиальная. Холодная.

А в Юлиной семье... тепло. С непривычки тяжело было в начале. Они все шумные, вечно обнимаются, зовут куда-то, что-то дарят, всем интересуются... Да ещё смеются постоянно, вечно чему-то радуются. А тётя Зина на моей памяти вообще ни разу не улыбнулась, так что мне непривычно.

Еле выдержал первые пару семейных сборищ, а потом как-то привык. Удушливая семейная близость стала как бы даже приятной. А теперь и вовсе стараюсь не пропускать встречи, потому что хорошо здесь. И вкусно.

Если бы Юля не заговорила о детях, вообще был бы хороший день.

Вадим

Заходим в квартиру.

Настроение у меня какое-то... приподнятое, даже странно – особенно после таких отвратных, ни на что не годных выходных.

Я бы даже сказал, что настроение подозрительно хорошее. Чем дольше провожу время с моей новой роднёй – со всей их шумной, навязчивой, смешливой толпой – тем больше к ним привязываюсь. Неосознанно, неохотно, но как-то... по-настоящему. Проникаюсь их живостью, их бесхитростной открытостью, даже крикливостью – словно они заполняют какую-то пустоту, о существовании которой я и не догадывался.

И вот теперь, после очередной встречи с ними, внутри меня будто зажгли свет. Я ощущаю себя... сильнее, что ли. Увереннее. Как будто меня стало больше, мои слова весомее, а ноги прочнее стоят на земле.

Впервые такое после...

После того, что случилось. Авария и остальное.

Раньше я не представлял свою жизнь без футбола.

И себя тоже не представлял.

Как будто всё, что во мне имело вес, смысл, хоть какое-то значение – это умение пинать мяч. Не просто играть, а быть

тем, на кого делают ставки, на кого надеются, кем гордятся. Вся моя личность сводилась к этой роли – футболист. Остальное, что было во мне, казалось лишним, несущественным, всего лишь обрамлением моего предназначения в жизни.

Когда всё рухнуло, я остался с пустыми руками.

И внутри – тоже пусто. Казалось, я застрял в тупике на всю оставшуюся жизнь. Был кто-то – стал никто.

Жизнь продолжалась, а я как-то висел сбоку, без движения. Без ощущения себя. Делал то, что надо было, но сугубо по инерции.

Плавал в вакууме.

А теперь... даже не знаю, как объяснить. Я словно расту, двигаюсь вперёд семимильными шагами... В Юлиной семье меня приняли не как бывшего футболиста, не как парня с навсегда сорванной карьерой, не как того, кто "мог бы, но не сложилось"...

А как просто *меня*.

Как будто можно быть человеком без кубков и статистики. Без титула.

Раньше я будто не знал об этом. Смешно, да?

Отец Юли – вообще отдельный разговор. Проверил меня, конечно, поначалу, подозревал, сомневался... Но потом как начал мне доверять, то... такое чувство, что я ему сын, а не зять. Советуется со мной, слушает. Ценит. Продвигает по работе. А со мной начало происходить что-то странное: я

словно вспомнил, кто я такой.

Вспомнил, что в школе я, в общем-то, не был дураком. Учился нормально, много чем интересовался. В музеи ходил, читал книги, любил музыку... Как будто эта часть меня – забытая, выцветшая – вдруг снова вышла на свет.

И я впервые за долгое время начал чувствовать, что во мне есть что-то ещё. Что я – это не только скорость, сила и голы.

Что я могу быть кем-то даже без формы с номером на спине.

Но и это не всё...

Жёнам братьев Юли, например, нравится, как я готовлю стейки. Что не пересушиваю, не превращаю в подошву – прожарка ровно та, какая надо. Они в шутку дали мне титул "лучший стейкач сезона", с шутками и тостами, и в этом прозвище есть что-то по-настоящему тёплое. Не притворное, не дежурное. Такое семейное, дружеское – настоящее.

А я к такому вниманию не привык. Совсем.

Мать Юли – так та вообще во мне души не чает. Говорит, что я самый надёжный из всех мужчин в их семье. Потому что остальные, мол, любят порассуждать, похвастаться, потрепаться – а я делаю, а не болтаю. Не обещаю, не строю из себя героя. Просто беру и делаю что просят и что обещал.

Тёща считает, что это самая редкая и нужная мужская

черта.

И ведь это всё – про меня. Не про какую-то маску, не про былую славу – а про то, какой я есть сейчас.

Дико это всё...

Но как-то чертовски хорошо. Дивно даже.

Дико и дивно.

Иногда от всего происходящего так потрянёт внутри, что хоть вой. Как будто организм не может поверить, что это не иллюзия, не временно, не вот-вот закончится.

Но потом я напоминаю себе: это и есть моя жизнь теперь.

Моя реальность.

Отныне и во веки веков, как говорится.

А всё остальное, моя вторая жизнь, – она за кадром. И я делаю всё, чтобы она там и оставалась и чтобы никто о ней не узнал. Навострился уже. Мне доверяют, и подозрений больше нет.

Так что волноваться не о чем.

Можно расслабиться. Хотя бы на пять минут.

Вадим

Маришка тянет меня к телевизору, где у нас с ней устроен игровой рай – удобные кресла, большой экран, приставки, всевозможные игры – целый каталог...

– Вадя, во что ты хочешь играть? – шепчет, взглядом показывая на экран.

Умная девочка, она знает, что лучше не привлекать внимание матери, а то Юлия засадит её читать книжку или решать какие-нибудь головоломки. А я Маришке, скорее, как друг, а не отец. Если учу дисциплине, то только игровой.

Сворачиваю вслед за ней.

– Давай поиграем в гонки на машинах.

– А может, лучше в футбол?

– Ты же сказала, чтобы я выбрал? – Смеюсь. Так каждый раз. Хитрюга задаёт вопрос только чтобы заманить меня в комнату, а дальше сама выбирает игры.

– Но футбол ведь лучше, правда? – Смотрит на меня с ангельской улыбкой.

– Ты хрюшка-хитрюшка!

— А ты Вадя-гадя! — хохочет, плюхаясь в кресло и доставая нужную игру. Футбол, конечно. — Ва-а-адя- га-а-адя! — напевает, включая телевизор.

Когда Юля разговаривает с дочкой, она упорно называет меня папой в надежде, что Марина подхватит и тоже станет так меня называть. Но этого пока что не случилось. Мне, честно говоря, привычнее быть «дядяВадей», Вадей-гадей, да хоть чем угодно, но не «папой», потому что... говорю же, у меня аллергия на ответственность.

А Вадя-гадя ответственности не несёт. Ни за что. Он просто живёт как может. Как живётся.

Настраиваю Маринке одиночную игру, убеждаюсь, что всё работает нормально. Обещаю, что скоро к ней присоединюсь, только переоденусь и вымою руки.

Малышка вроде как кивает, но уже наполовину в игре. Азартная девчонка, вся в меня...

Ну, то есть... Мы в этом похожи.

Направляюсь в спальню, чтобы переодеться.

Юля оборачивается, стоит в одном белье. Дорогом, эффективным.

Моё тело реагирует как положено, с Юлей у меня никогда не бывает проблем. Она очень красивая женщина, и пахнет от неё хорошо, дорого. Кожа у неё ухоженная, гладкая, без

изъянов. Лицо совсем молодое до сих пор. И это при том, что Юля не злоупотребляет всякими процедурами, просто наследственность хорошая. Морщины у неё есть, но они от смеха, а не как у меня.

Я рядом с ней выгляжу почти стариком, хотя на самом деле мы одногодки.

Мне нравится оставаться с женой наедине. Она светлый человек, заботливый. И сейчас смотрит на меня с такой радостью, как будто наша короткая разлука была пыткой.

Надеюсь, она не собирается снова завести разговор о ребёнке.

Подхожу к ней, кончиком пальца спускаю бретельку с её плеча, высвобождая грудь.

– Скучала? – спрашиваю с намёком. Голос низкий, возбуждённый. Мне чертовски повезло с женой. Юля в постели искренняя, открытая, без ненужных стеснений... и нежная при этом.

Только поговорить любит. Шепчет всякие нежности, а потом выжидающе смотрит на меня. Всё надеется, что однажды меня прорвёт на поэтические изыски, и я вдруг запою любовную серенаду, полную сопливых признаний.

Увольте!

– Очень, – шепчет Юля, сглатывая. Её глаза расширяются. – Всегда так ревную тебя, когда вижу, как с тобой заигрывают другие женщины. Жена Арика тебя обожает. Вообще, по моему, все женщины тебя обожают, а я дико ревную.

Скидываю одежду. Женщинам нравится смотреть на моё тело спортсмена, их не смущают даже шрамы. А меня не смущает... вообще ничего.

Одной рукой обнимаю Юлю, другой глажу её лицо, большим пальцем касаюсь губ.

– Ревность – это пустая трата времени, – говорю ей в губы. – Я никуда от тебя не денусь. – Рывком прижимаю её к себе. Поднимаю, заставляя обхватить меня ногами за пояс.

Прижимаю к стене. Юля ахает от холода стены и от возбуждения одновременно.

Ей нравится, когда я беру её на руки, да ещё подкидываю, как будто она пушинка. Когда беру её у стены, у окна, у двери. Где угодно, но не в постели. Далеко не все мужчины достаточно сильны для такого, а женщины насмотрелись фильмов и начитались соответствующих книг, поэтому им мало нормального акта, нужен акробатический номер. И властный самец в главной роли, которому от неотложности желания почему-то не дойти до кровати. И которому хочется держать на себе шестьдесят килограмм чужого веса во время секса.

Юля хочет – Юля получает. Это моё правило. Самое малое, что я могу для неё сделать, – это удовлетворить в постели. Как говорится, обделённая жена – мужу хана.

Да и мне не трудно. Самому в кайф.

Красивая, страстная, ухоженная женщина – как такую не хотеть? Я здоровый мужик, хочу, конечно.

Главное при этом не думать о другой.

Юля

На рабочее совещание к отцу я прихожу последней.

Обычно я подчёркнуто пунктуальна, аж до занудства, потому что и так хватает слухов, что я папенькина дочка и здесь по блату. Стоит чуть замешкаться, неуверенно что-то сказать, и кто-то обязательно шепнёт что-то вроде «ну понятно».

Некоторых людей хлебом не корми, дай сказать гадости. Я уже привыкла, что за каждым моим рабочим шагом следят очень пристально. Если я остаюсь дольше всех, значит, «пытаюсь доказать, что не зря тут сижу». А если уйду вовремя – «конечно, у неё же всё и так схвачено». Потому что я папина принцесса и всё такое. Поэтому к работе я отношусь супер ответственно. Не могу позволить себе быть посредственной. Мне нужно быть идеальной, чтобы слухи затихли хотя бы на минуту.

Но сегодня не получилось.

Вадим разбудил меня пораньше. Потянулся ко мне во сне, обнял так крепко, как будто надолго потерял и только что снова нашёл. Он вообще по утрам какой-то особенный – жадный, любящий, будто в нём за ночь что-то копится, а потом прорывается наружу. Как будто ему меня не хватает, даже когда я рядом. В такие минуты я не могу ни в чём ему

отказать, даже если знаю, что опаздываю.

Ощущать необузданную страсть моего обычно сдержанного мужа – это самое большое счастье. В такие моменты он держится за меня с такой силой, что иногда оставляет синяки. Не со зла, просто не соизмеряет силу. Как будто метит. Как будто внутри него живёт страх, что меня могут отнять в любую секунду. Что он проснётся – а меня нет.

Иногда мне даже кажется, что в эти моменты он будто между сном и явью. Его пальцы, его дыхание, его взгляд – всё цепляется за меня. И я это чувствую всем телом, каждой клеткой. Это самое моё любимое время, проведённое вместе, хотя и немного напряжённое. В утренних объятиях Вадима есть что-то тревожное, как будто он сражается с кем-то невидимым за право быть рядом со мной.

Иногда после этого я тихо спрашиваю его: «Что случилось? Что тебе приснилось?»

Он на секунду задерживает дыхание, как будто взвешивает, говорить или нет. Но потом просто улыбается и отвечает неизменным: «Просто хочу тебя».

Просто хочет.

Вспоминаю об этом сейчас и улыбаюсь.

– Кто-то сегодня проснулся в хорошем настроении, – говорит отец, глядя на меня поверх очков.

– Понедельник – день любимой работы, поэтому я и счастлива! – отвечаю с задорной иронией.

Коллеги смеются. Все, кроме Дани, конечно. Он даже не улыбается. Ему не нравятся ни мои шутки, ни то, что они другие над ними смеются. Он вечно как будто на взводе, будто мой голос царапает ему по нервам. Хотя я уже давно поняла: это не про меня. Это про него. Про то, что у него внутри.

Но при этом он выдвигает стул, показывая на свободное место рядом с собой.

Я осматриваюсь. Очень не хочется садиться рядом. У меня сейчас слишком хорошее настроение, чтобы портить его препирательствами. Внутри всё ещё живёт утро – тёплое, ленивое, с поцелуями и сильными руками на моём теле. Я не хочу терять это ощущение. Хочу побыть в нём ещё чуть-чуть.

Но, к сожалению, других свободных мест нет.

– Привет, Плюс-Минус! – Сажусь рядом с Даней.

– Привет, ВИП-дочка! – отвечает в тон мне и придвигается ближе. – Не хотела расставаться с футбольным принцем? Он что, принохливается ко мне?!

Чёрт, неужели от меня пахнет сексом? Отодвигаюсь подалее от Дани, и по его наглой усмешке вижу, что он всё понял.

Вот поэтому и стараюсь его избегать, он вечно меня достаёт.

– Если вы закончили с прелюдией, то я бы хотел узнать,

когда мы запустим рекламу нового филиала, – говорит папа со свойственной ему иронией. Его тон лёгкий, но взгляд всё же строгий. Он терпеть не может, когда мы с Даней цапаемся.

Ну вот, я не только опоздала, но и проявила невнимательность. Отличное начало! В голове мгновенно срабатывает привычный внутренний контроль: распрямляю плечи, делаю вдох, прикидываю, на каком моменте остановились коллеги, и подключаюсь.

– Первый вариант у нас будет готов к завтрашнему утру, – говорю спокойно, будто всё под контролем. На самом деле почти так и есть, просто надо немного доделать. – В пятницу мы согласовали формат и клипы. В новом районе конкурентов мало, целевая аудитория молодая, так что надеемся на хороший охват и быстрый результат.

Отец откидывается в кресле и машет рукой, мол, ладно, убедила.

– Хорошо. Но чтоб без сюрпризов. И бюджет держим в рамках. Это филиал, а не Москва.

Коллеги посмеиваются, я киваю. Это обычная папина шутка.

Краем глаза замечаю, как Даня поджимает губы. Наверное, опять считает, что я выкрутилась только из-за родственных связей. Как же мне это надоело...

Хотя сейчас мне всё равно. У меня внутри ещё остатки утреннего тепла, и пока оно во мне – я неприкосновенна.

После заседания я собираюсь быстро выскользнуть из за-

ла, когда Даня берёт меня за локоть.

– Останься на пару минут.

Закатываю глаза, но остаюсь на месте.

Когда остальные уходят, поворачиваюсь к нему и складываю руки на груди.

– Ну? Чего тебе, Цифродав? Надеюсь, случилось что-то важное, потому что по этажам уже наверняка несутся слухи, что мы с тобой заперлись наедине и черт-знает-чем занимаемся.

– Не волнуйся, блатная примадонна, о нас такое точно не подумают. – Фыркает. – У меня к тебе вопрос: как много ты знаешь о своём муже?

– Серьёзно? Ты заставил меня ждать, пока все уйдут, потому что ты вдруг заинтересовался Вадимом? С какой стати? Ты пишешь его биографию?

– Просто ответь!

– Я знаю о нём достаточно, иначе бы не вышла за него замуж! Мы с ним вместе учились в школе, помнишь? Так что да, я хорошо его знаю, можешь не волноваться.

Даня откидывается на спинку стула. Морщась, смотрит в окно.

– Мне что-то в нём не нравится, – говорит сквозь сжатые зубы.

– Тоже мне, аргумент! Тебе и во мне много чего не нравится. Хватит, Дань! Не лезь в мои дела и оставь Вадима в покое.

Резко поднимаюсь, подхватываю мои вещи и ухожу.

Вадим

Маришка висит на мне, хнычет, просит, чтобы не уезжал. Говорит: «Позвони бабе Яге и скажи, что ты заболел».

Юля делает ей замечание, чтобы не называла Зину бабой Ягой, но при этом сама еле сдерживает смех. А я не сдерживаюсь, смеюсь в открытую, потому что Зина и есть баба Яга, причём сознательно культивирует этот образ. Строит из себя старую каргу, даже кривую палку откуда-то раскопала, не иначе как из костюма бабы Яги. И к девочкам моим отнеслась отвратно, к Юле с Маришкой, причём с самого начала. Чуть свадьбу нам не испортила своим ворчанием и злобными взглядами.

И потом, когда мы к ней приехали, тоже такие номера выдавала, что девочки были в шоке.

Я пытался утихомирить Зину, но разве она послушается? Говорит, что терпеть не может «городских кралей» и нечего мне с ними связываться. При этом знает, что мне это надо, по-другому не мог, но продолжает строить из себя полицию нравов.

Хотя, по правде сказать, её плохое поведение сыграло мне на руку. Теперь Юлю с Маришкой к Зине силой не затащишь. Отчасти поэтому Юля с такой готовностью дала день-

ги не только на операцию, но и на реабилитацию, потому что боялась, что я захочу перевезти тётю к нам, и ей придётся за ней ухаживать и терпеть её выкрутасы. И Юля уже несколько раз предложила отправить тётю в специальный санаторий для реабилитации... Явно готова заплатить любые деньги, чтобы не сталкиваться с моей милой тётушкой и сплавить её подальше.

Думаю об этом и смеюсь.

Сидящая напротив девушка улыбается, подаётся вперёд, ближе ко мне. Явно хочет завести разговор.

Когда я езжу домой, снимаю обручальное кольцо, поэтому она думает, что я свободен. Красивая. Молодая, года двадцать три-четыре. Таким нравятся зрелые мужики, чтобы научили их всякому. У молодых парней опыта мало, и пока они набираются его с женщинами постарше, такие вот девушки тоже ищут обучения. И практики.

Усмехаюсь, подмигиваю ей, и она краснеет. Даже опускает глаза. Строит из себя скромницу. Думает, я не заметил, как она раздевала меня взглядом.

Никаких загадок, всё просто.

За мои спортивные годы я много таких девушек перепробовал, всех не упомнишь. Со временем они все слились в одно пятно. Это просто времяпровождение, ничего больше. Своего рода дополнительная тренировка.

А теперь как-то... вырос я что ли, наконец?

Вдруг ловлю себя на том, что сравниваю девчонку с Юлей, и она проигрывает.

Пф-ф-ф... Где же это слыхано, чтобы красивая, молодая и фигуристая проигрывала при сравнении с женщиной намного старше?!

Влюбился я, что ли?

Снова смеюсь. Ну да, как же, влюблюсь я... Во мне просто нет такого механизма, чтобы влюбляться. Не встроен, не установлен. Не унаследовал.

Отворачиваюсь от девчонки, и та как-то сразу грустнеет, опускает плечи. Такая печаль на лице, будто я ей что-то пообещал и тут же забыл. А я ведь и не обещал ничего. И не собирался.

Ничего, переживёт.

А мне с женой хватает «тренировок».

Опять это слово, жена. Как произнесу его, перед глазами появляется её задорная семейка... и Маришка... и сама Юля...

С Юлей интересно. Как-то не так, как с другими. Она не вешается мне на шею, не липнет. Не из тех, кто требует внимания, самодостаточная, умная, но при этом даёт понять, что я ей нужен. Интересен. Не как громкое имя в компании из-

за прошлой славы, не как тело в постели. Просто... как я.

И мне это непривычно. Юля смеётся над моими шутками, не из вежливости, а по-настоящему, со светом в глазах. Спрашивает, что я думаю о каких-то, казалось бы, левых вещах. А я не привык, чтобы спрашивали.

Меня вообще редко слушали. Особенно когда разговор не про футбол, не про «мужские темы». А тут вдруг слушает, да ещё ждёт моего ответа. Словно он имеет вес. Это... сбивает с толку, но и тянет к ней.

Не понимаю, зачем это Юле. Не вижу в этом выгоды, никакого расчёта, и от этого становится тревожно. Потому что если человеку от тебя никакой пользы, никакой зависимости, значит, он рядом просто так. Потому что ты ему нравишься.

А такого у меня не было. Никогда.

И рядом с Юлей спокойно, как-то даже легче дышать. Не могу понять, почему, но Юля точно не притворяется. Ей-то зачем?

Завязывать надо с этими мыслями. Ни к чему хорошему они не приведут.

Тренер нас учил, что в жизни главное – компартиментализация. Слово такое крутое, запомнилось сразу и навсегда.

Суть в нём простая, но мощная: нужно уметь делить всё, что у тебя внутри, на отсеки. Настоящие, жёсткие, с толстыми непробиваемыми стенами и надёжными замками.

Каждое чувство, каждая проблема – в свой отсек. И пусть себе лежит там, не лезет куда не надо.

Например, когда тренируешься, ничего другого для тебя не существует. Мир сжимается до размеров поля или зала, всё остальное отключается. Если кто-то тебя подставил, если баба изменила, тётка болеет или деньги ушли не туда – это всё убираешь, запираешь на ключ. На потом.

Эмоции – это шум, а шум сбивает прицел. Когда играешь, есть только одна игра, как в жизни, так и в спорте. Холодная голова, ясные глаза, чёткие движения.

Придёт время – откроешь другие отсеки, разберёшься. Но не смешивай, не распыляйся.

Так и живу.

После поезда трясусь на автобусе. Юлия твердит, что надо ехать на машине, но я не хочу. Мне нужно хорошенько рас-трясти мысли на сельских ухабах перед тем, как зайти в мой второй дом. Второй отсек, как казал бы тренер.

Квартира на первом этаже. Дом обшарпанный снаружи, но планировка хорошая, и лес рядом. Воздух чистый.

Отпираю дверь, захожу в прихожую. Вдыхаю привычный, немного спёртый цветочный запах.

– Ваденька, это ты, любимый? – раздаётся из глубины

квартиры.

Рая.

Моя Рая.

Вадим

Раньше я даже думать не мог об аварии, не то что говорить.

Всё внутри сжималось при одной мысли. Я тогда исчез со всех радаров, пропал без объяснений. Хотел, чтобы обо мне забыли. Чтобы оставили в покое и не смотрели на меня или, скорее, мимо меня, с бесконечным сочувствием и удушающей жалостью. Чтобы не напоминали о том, кем я был и кем уже никогда не стану.

Один день я был многообещающим форвардом. Восходящая звезда, подающая всевозможные надежды. Тренеры строили планы на годы вперёд, журналисты называли моё имя в каждом обзоре.

А потом раз – и всё.

Как будто на полной скорости, сотни километров в час – в кирпичную стену врезался.

Была звезда – и нет. В одну секунду. В аварии полетело всё: спина, бедро, колено... Как будто тело решило больше не быть моим союзником. Ему не понравились мои планы на жизнь, и оно вышло из игры.

Когда стало известно, что у меня за травмы, насколько серьёзные и какой прогноз в отношении футбола – начался обратный отсчёт. Три... два... один... тишина. Ни звонков, ни сообщений, ни упоминаний. Просто исчез. Для всех.

Как будто меня стёрли с картины прекрасного будущего, и я остался на вечной скамье тех, кто мог стать кем-то великим, но не получилось. Скамье снисходительной жалости.

Мне это, мягко говоря, не понравилось, поэтому я сам себя вычеркнул до конца. Снял со всех радаров. Кто я без славы, без формы, без игры? Никто. Пустое место.

А значит, меня вообще не будет, даже в списках тех, кто выздоравливает и, может, однажды станет помогать кому-то из тренеров или станет комментатором.

Нет уж! Если уходить, то полностью и безвозвратно.

Было плохо. Жутко.

Чудом выжил.

И то только потому, что нашлись люди, которые не дали окончательно утонуть.

Тётя Зина, конечно. Она сказала тогда, что ей судьбой велено нести меня на своём горбу. И ведь несла, черт возьми. Худая, упрямая, с нравоучениями, прочитанными голосом, как у ржавой пилы, но вынесла-таки меня на свет.

Но даже тогда я не жил.

Просто... выживал.

Каждый день как глоток воздуха через трубочку под водой. Живой, но еле-еле. Только за счёт Зины.

Ну и Раи, конечно. Моей Раи.

В школе мы с ней не расставались – день за днём, от звонка до звонка, до самого выпуска. Первые были друг у друга. Не скажу, что прям любовь. По крайней мере, не с моей стороны. Я по-настоящему любил только одно – футбол. Но с Раей мне нравилось. Легко было, просто. Спокойно. Как будто она всегда была рядом, как часть фона. Всё делала для меня, во всём помогала. Я знал, что на неё всегда можно опереться.

Бывало, девчонки куда-то собираются, и она с ними, но стоило мне на неё глянуть или позвать, так она остаётся со мной. Даже если без причины. Даже если после этого я уйду с друзьями, а она останется одна. Всё равно не жаловалась.

А началось всё банально – с домашки. Я учился нормально, без проблем, но в тот день забыл сделать какое-то задание. Рая подкинула мне листок с ответами в самый нужный момент, прямо под руку. Меня, конечно, всё равно отругали, за то, что не в тетради сделал домашку, но не больше. Так и познакомились. И как-то сразу пошло, закрутилось. Она вошла в мою жизнь без усилий, будто всегда там была. Са-

ма взяла на себя мой график: тренировки, поездки, сборы. Общалась с тётей Зиной, они вдвоём следили, чтобы у меня был нормальный обед, чтобы костюм не был вонючим, чтобы кроссовки не развалились.

Я никогда не сомневался, что Рая меня любит. Она умела любить тихо, без пафоса. Однажды застал её за тем, как она стирает мои носки после тренировки – молча, не замечая, что я смотрю. Вот тогда и понял, что точно любит.

Стал лучше к ней относиться, по-своему тепло. Не обижал, при ней не заигрывал с другими девчонками и не хвастался победами. В поездках, конечно, оттягивался по полной – молодой, кровь кипела, да и хотел всего, пока давали. Но Рая... она как будто была из другой жизни, из домашней.

Правды не скрою – я строил себе большое будущее. Большую арену, софиты, интервью, глянец. И Рая в эту картинку не вписывалась никоим образом. Не потому, что она плохая. Просто... другая. Неподходящая.

Жениться на женщине за то, что она стирает твои носки? На фиг мне это?

Думал, что, когда выбьюсь в люди, у меня будет и домработница, и повар, и много чего. Включая соответствующую жену, модельку какую-нибудь или актрису. Рае в той новой и красивой жизни не было места.

Если бы любил её, то, может, было бы по-другому. Но не любил, увы.

Я никогда не собирался на ней жениться. Не видел её рядом на пьедестале, не представлял её в ложе почёта рядом с тренерами и агентами.

«Моя Рая» на самом деле никогда не была моей, и в конце школы я стал активно ей это показывать. Понадеялся, что грубость и бесконечные неразумные требования помогут избавиться от её присутствия. Но нет, не помогло. Собыёшь её грубой фразой, а она снова поднимается на ноги, как Ванька-встанька.

«Моя» – это слово вообще как-то не вписывалось в мой лексикон, я не собирался себе никого присваивать. Рая сама так назвалась. Однажды я спросил, какого фига она вокруг меня ошивается и терпит все мои закидоны. Да, грубо спросил, знаю, но я таким и был с ней, грубым. Так вот, когда я спросил её, на фига она меня терпит, она ответила, что, дескать, она моя. Так и сказала, без дальнейших объяснений, понимай как хочешь.

В конце школы я принял решение, что некрасиво продолжать её использовать ради моего удобства, эгоистично это. Сама она меня не бросит, это уже понятно, поэтому придётся мне самому от неё избавиться.

После выпускного усадил её и объяснил, что к чему.

Спокойно, по-человечески. Без крика, без обид. Сел рядом и сказал, что нам, мол, не по пути. Что не люблю её и никогда не полюблю. А дальше стандартные фразы – что она

хорошая, что всё у нас было нормально, что я благодарен...

В общем, как-то так.

Вадим

Я тогда про любовь вообще никогда не думал. Не моя это тема. У меня в голове всё было занято тренировками, целями, сборами, результатами. Но женщины любят говорить о всякой романтической фигне.

Для них, если нет любви – всё, точка, конец света. Это веское основание, чтобы расстаться.

Так что я использовал это. Сказал, что не люблю и никогда не полюблю.

Взгляд у Раи стал каким-то странным, неживым. Стеклянным что ли.

Я, дурак, подумал, что у меня нормально получилось всё объяснить, и драмы не будет. Рая легко меня отпустила.

Но это был только начальный шок, а потом с ней такое было... Вспоминать жутко. Она рыдала, умоляла. Клялась, что изменится, как мне надо. Станет другой, лучше, красивее. Найдёт способ мне понравиться. Умоляла дать ей последний шанс.

Чего только не делала – спала на лестнице под дверью моей квартиры. Ходила за мной по пятам весь день...

Но я был непреклонен.

Железный. Спокойный, как хирург. Отрезал.

Внутри, может, что-то и тянуло, но я этого не показывал. Не допускал. Раз решил, то всё, назад дороги нет.

Рая, конечно, в итоге сдалась. Потухла. Словно внутри у неё кто-то выключил свет. Просто исчезла.

Я поэтому и был непреклонен, так как знал, что в конце концов она послушается. Она вообще всегда делала, как я велел. Беспрекословно. Не спорила, не перечила, не навязывалась. Как будто её задача – быть рядом и не мешать. В этом, наверное, и было что-то особенное в наших отношениях. Тихое, безусловное подчинение. К такому привыкаешь.

А я... Я тогда это принимал как должное. Не ценил, не задумывался. Считал нормой. Будто мне и полагалось это – внимание, забота, преданность. Я ведь перспективный, я ведь будущая звезда. Как будто Рая была просто часть моей подготовки. Как бутылка с водой, как чистая форма, как разминка перед матчем.

После разрыва мы не виделись долгое время. Я вообще о ней забыл.

Жизнь закрутилась: сборы, матчи, интервью, девушки. Много. Женщины легко тянутся к тем, кто на виду, особенно если тебе прочат большое будущее. Мне тогда казалось,

что всё идёт правильно, так и должно быть. Старт карьеры, молодость, энергия, победы – зачем оборачиваться назад?

Понятия не имел, чем Рая занимается, где, с кем, как. Мне было всё равно. Даже когда мы снова встретились, я не стал спрашивать о тех годах. Неинтересно было. Пофиг. Что было, то прошло, вот и всё.

Так что жизнь моя была... прекрасной. Мечтой, в которой Рае не было места.

А потом произошла авария.

И всё.

Точка. Я думал, это конец. Хотел, чтобы это был конец.

Лежал, не чувствуя тела, не чувствуя смысла. Из всего мира рядом осталась только тётя Зина, и та не гладила по голове – орала. Сильно, зло, что по-своему помогло выжить. Но любви в этом не было.

А остальным, казалось, было плевать. Меня вычеркнули, забыли.

И вдруг звонок в дверь.

Открываю – а на пороге Рая.

Спокойная, деловая. В руках мешки с продуктами, с какой-то хозяйственной фигнёй: тряпки, моющие средства, всё

для уборки. У меня тогда уже была отдельная квартира. Видимо, Зина ей наобещала, что я валяюсь в грязи и гнию заживо.

Рая ничего мне не сказала, не выразила сочувствия. Не спросила, можно ли у меня убраться и приготовить еду. Не пыталась выяснять отношения. Просто убрала квартиру, а потом приготовила обед. Вкусный, домашний. Молча.

А потом ушла. Я, конечно, гордо лежал, типа мне не надо. Но посреди ночи запах вкуснятины меня доконал, и я всё-таки поел. Много. Вкусно было.

Так и началось.

Рая приходила каждый день. Прибиралась. Готовила. Ставила еду в контейнеры, раскладывала по полкам, меняла мою постель, стирала мои вещи. Мы почти не разговаривали. Слов не было, только действия.

А потом однажды она подошла к постели, откинула одеяло и начала массировать мою больную ногу. Не по-женски, не мягко, а уверенно и по делу. У неё с собой были какие-то конспекты, схемы, распечатки – видно, готовилась и посоветовалась со специалистами. В записях были даже зарисовки упражнений, последовательность движений, рекомендации по нагрузке.

Я лежал, а она методично, с усердием, будто училась этому всю жизнь, работала с моей ногой. А я не сопротивлялся,

просто принял всё то, что она была готова мне дать.

А через пару дней, после очередного массажа, она поднялась выше бедра...

Ну и я не воспротивился. С какой стати? Больше никто не предлагал.

Незаметно, день за днём мы вернулись к прошлым отношениям.

Словно всё это время просто делали паузу.

Трудно сказать, к чему бы нас привели такие отношения, и как долго я паразитировал бы на её привязанности, но судьба решила снова вмешаться в мою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.